
ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В РОССИИ КОНЦА 1870-Х ГГ. И СПОСОБЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ ГЛАЗАМИ ВЫСШИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЧИНОВНИКОВ

В.Е. Воронин

Кафедра истории России
Московский педагогический государственный университет
пр. Вернадского, 88, Москва, Россия, 117571

В статье идет речь о кризисе российского самодержавия в конце эпохи Великих реформ и проектах реформы государственного строя Российской империи, разработанных крупными русскими государственными деятелями: вел. кн. Константином Николаевичем, П.А. Валуевым, Д.А. Миллютиным и др. Проекты носили умеренно-либеральный характер, предполагали учреждение в России органов народного представительства и участие выборных представителей общества в обсуждении государственных дел.

Проблема правительственного кризиса («кризиса самодержавия») на рубеже 70—80-х гг. XIX в. около полувека привлекает внимание историков. В 60—70-х гг. XX в. крупный отечественный исследователь П.А. Зайончковский посвятил ей ряд трудов (1), ставших классикой исторической науки. Тогда же многие аспекты взаимоотношений власти и общества в данный период были проанализированы в работах Н.П. Ерошкина, Л.Г. Захаровой, И.В. Оржеховского, В.А. Твардовской, В.Г. Чернухи (2). Широкий интерес к проблемам истории России «эпохи Великих реформ» возродился в условиях социально-политических перемен в нашей стране конца XX — начала XXI в. Востребованным, с исторической точки зрения, был признан опыт преобразований царствования Александра II, благодаря которым России удалось мирным путем модернизировать свое общественное и, отчасти, политическое устройство. Большое внимание политическому развитию России и кризису последних лет царствования Александра II уделено в исследованиях Л.Г. Захаровой, Б.С. Итенберга, В.А. Твардовской, И.А. Христофорова, А.В. Мамонова и др. (3).

При изучении политической истории России рубежа 1870—1880-х гг. заслуживает отдельного рассмотрения вопрос о том, каким способам преодоления правительственного кризиса отдавали предпочтение различные представители правительственного лагеря — министры и иные высокопоставленные деятели. Их позиция отражена в проектах, записках и рассуждениях во время важных правительственных совещаний. Особое место здесь занимают проекты преобразования государственного строя России на началах выборного представительства, разработанные вел. кн. Константином Николаевичем (в 1866 и 1880 гг.). Брат императора Александра II, генерал-адмирал, глава морского ведомства и председатель Государственного совета — высшего законосовещательного органа Империи — великий князь неизменно оказывал значительное влияние на формирование политического курса.

Политический кризис разразился в России в момент, когда завершалась победоносная война с Турцией за освобождение южных славян. 24 января 1878 г. революционерка-народница В.И. Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова и ранила его. Покушение Засулич, истолковавшей свои действия как протест против произвола властей, стало выражением открытого конфликта между властью и революционными силами, на стороне которых оказались и общественные симпатии. Все это указывало правительству на необходимость скорейшего обнародования программы новых общественно значимых преобразований. Однако представители верховной власти не только не располагали такой программой, но и высказывали самые противоречивые суждения относительно своих будущих действий.

Первым проявлением правительственного кризиса стал крупный сбой в деятельности судебной системы. 31 марта 1878 г. в истории российского суда произошло беспрецедентное событие — присяжные заседатели петербургского окружного суда вынесли В.И. Засулич оправдательный приговор. Большинство публики, среди которой были чиновники, интеллигенция, великосветские лица, выражало нескрываемый восторг. Уличная толпа устроила демонстрацию в поддержку освобожденной Засулич и ее адвоката. Во время демонстрации из толпы раздалось несколько выстрелов. Один человек — случайный прохожий — был убит (4). В.И. Засулич удалось скрыться.

3 апреля 1878 г. Совет министров под председательством Александра II обсуждал «дело Засулич». Министр юстиции К.И. Пален предлагал временно передавать дела о политических покушениях в ведение военно-полевых судов, хотя уточнил, что женщины не должны подлежать военному суду. Присутствующие были далеки от единства. Резким противником предложенной Паленом меры выступил военный министр Д.А. Милютин, благодаря доводам которого царь отклонил проект министра юстиции. Милютин также предлагал «изъять» дела о политических покушениях «из общего порядка судопроизводства с присяжными, а производить в особых присутствиях, установленных собственно для дел по государственным преступлениям». Вел. кн. Константин Николаевич высказывался в пользу создания неких «специальных судов» (5). Компромисс между сановниками был найден лишь через несколько дней. Он предусматривал рассмотрение в дальнейшем дел по преступлениям против должностных лиц «в судебных палатах без участия присяжных» (6). В таком виде законопроект был одобрен Государственным советом и утвержден монархом. Это был явно недостаточный ответ властей на покушение В.И. Засулич.

Юридически «дело Засулич» было окончено 20 мая 1878 г. Предать Веру Ивановну суду не представлялось возможным вследствие ее побега за границу. Но вердикт присяжных был отменен Кассационным департаментом Сената на открытом заседании — в присутствии защитника Засулич, заявившего «свои возражения», и большого количества публики (7). Узнав о решении Сената, генерал-адъютант А.А. Киреев, состоявший при вел. кн. Константине Николаевиче, с удовлетворением отметил: «Очень хорошо! По крайней мере, суд наш нельзя будет упрекать в том, что он состоит из детей» (8). А 1 июня 1878 г. гр. К.И. Пален был официально уволен с поста министра юстиции.

Очевидный провал усилий правительства в «деле Засулич» открыл дорогу новым акциям «революционной партии». Столицу сотрясали слухи о готовящемся восстании, о волнениях студентов учебных заведений, об антиправительственных настроениях в среде молодого офицерства и т.п. Распространялись революционные прокламации. 16 апреля возле Исаакиевского собора в петербургского митрополита был брошен камень. 24 июля 1878 г. одесский военно-окружной суд вынес приговор по делу о политическом преступлении — И.М. Ковальский и другие члены «Общества народного освобождения» были осуждены за вооруженное сопротивление полиции и жандармам. Ковальский был приговорен к расстрелу, его сообщники — к каторжным работам и ссылке. После вынесения приговора в Одессе начались волнения, на усмирение которых были двинуты войска. Казнь Ковальского состоялась 2 августа. А утром 4 августа в Петербурге произошло событие, затмившее собой громкое покушение на Ф.Ф. Трепова. Народник С.М. Кравчинский среди бела дня смертельно ранил кинжалом шефа жандармов Н.В. Мезенцова. Через несколько часов Мезенцов скончался. Убийца и его сообщник скрылись и остались безнаказанными. Убийство Мезенцова не могло быть объяснено, по словам Д.А. Милютина, «никаким поводом со стороны жертвы: Мезенцов вел дела гуманно». Военный министр объяснял случившееся только «сатанинским планом тайного общества навести террор на всю администрацию» (9).

Осенью 1878 г. представители властей были деморализованы террором и угрозами революционеров. Первым сдался министр внутренних дел А.Е. Тимашев. В начале октября он решил «непременно уходить» (10). Он и министр народного просвещения Д.А. Толстой к тому времени получили письма «с приговором» (11). Военному министру еще в августе было прислано несколько «анонимных предостережений и угроз» (12). «Разлад в правительств[енных] сферах полнейший», — писал А.А. Киреев 16 октября (13). Беспомощность властей и их репрессивной политики давала о себе знать самым непредсказуемым образом. Член Государственного совета Б.П. Мансуров пересказывал бесстрашные слова одного «политического преступника», пойманного в Киеве. Революционер не испугался ареста и заявил: «Я не сделал ничего такого, за что бы меня можно казнить смертью. Вы трусы и не посмеете отойти от буквы закона. Вы меня пошлете на каторгу, а я оттуда уеду!» (14).

Новым шефом жандармов в октябре 1878 г. был назначен генерал-адъютант А.Р. Дрентельн. К началу ноября 1878 г. ему, казалось, удалось осуществить «несколько удачных арестов революционеров» (15). Но 13 марта 1879 г. Дрентельн сам едва не стал жертвой покушения. Стрелявшему без труда удалось бежать. После ранения Ф.Ф. Трепова и убийства Н.В. Мезенцова «неудачное» покушение на А.Р. Дрентельна даже не удостоилось особого внимания. Ответным шагом правительства стало решение усилить полицейский надзор за проживающими в столице и других крупных городах (16).

Последствия политической немощи верховной власти не заставили себя ждать. 2 апреля 1879 г. народник А.К. Соловьев несколько раз выстрелил в государя, гулявшего недалеко от Зимнего дворца — возле Певческого моста. Мо-

нарх чудом остался невредим, а злоумышленник был схвачен. Александр II распорядился учредить должность временных военных генерал-губернаторов и наделить их широкими властными полномочиями. Вместе с государем отбором кандидатур занимались Д.А. Милютин и А.Р. Дрентельн (17). Оба не принадлежали к числу сторонников крайних мер.

Между тем Петербург сотрясали самые фантастические слухи, некоторые из которых принимались правительством на веру. В ночь с 6 на 7 апреля 1879 г. войска в столице были поставлены под ружье, так как ожидался... штурм Зимнего дворца рабочими Балтийского завода. Предположительная численность участников штурма могла составить, по мнению властей, 300 человек. Узнав наутро о ночной тревоге, вел. кн. Константин Николаевич пришел в ярость: «Вот как у нас у страха глаза велики» (18). Вместе с тем сплетни причисляли к союзникам революционеров и самого царского брата. «Генеральша» А.В. Богданович писала: (12 февраля 1879 г.) «Много говорят, что в беспорядках принимает участие одно высокопоставленное лицо. Москва называет Константина Николаевича, которому не добратья никогда до верховной власти, оттого, говорят, он и мутит» (19). 18 апреля 1879 г. среди студентов «на Петербургской стороне» разнесся слух, что вел. кн. Константин Николаевич «в прошлую ночь арестован». В первоначальном тексте донесения агент III Отделения даже уведомлял начальство о начавшихся по этому случаю «волнениях». Он писал, что «рано утром многие отправились на другую сторону Петербурга». Но затем агенту пришлось переписать донесение. О «волнениях» не осталось ни слова, говорилось только о распространении «среди учащейся молодежи» слуха об аресте вел. кн. Константина (20).

Впрочем, к покровителям революционеров великосветские круги относили и других известных деятелей. Созданный в этой среде образ «революции» представляется симптоматичным. 13 ноября 1879 г. князь Ф.И. Паскевич показал А.А. Кирееву карикатуру на «гидру революции» с головами вел. кн. Константина Николаевича, военного министра Д.А. Милютина и публициста-славянофила И.С. Аксакова. На рисунке были представлены и другие действующие лица из числа высших сановников (правда, именно как представителей правительственного лагеря) — временного петербургского генерал-губернатора И.В. Гурко, министра иностранных дел кн. А.М. Горчакова и министра государственных имуществ П.А. Валюева: «Гурко выхватывает шпаженку, Горчаков совсем обессиленный и *gamolli* [расслабленный, одряхлевший. — фр.] с подпорками, Валюев смотрит в раздумье» (21). Итак, внутри правящего слоя нарастало взаимное недоверие, назревал раскол.

Политический кризис и отсутствие у правительства четких ориентиров во внутренней политике пробуждали к жизни новые проекты, записки, предположения. Одним из первых откликнулся на остроту момента генерал-адъютант А.А. Киреев. В начале лета 1879 г. он подготовил пространную политическую записку. Позднее она получила название: «Избавимся ли мы от нигилизма?» и была опубликована в Москве в 1881 г. в газете И.С. Аксакова «Русь», а также отдельным оттиском. Это произошло уже после царевубийства 1 марта 1881 г. Но при

написании записка предназначалась сначала петербургскому генерал-губернатору И.В. Гурко, а затем императору Александру II. Автор стремился дать ответ на брошенный революционерами вызов.

Признавая необходимость репрессивных мер, Киреев вместе с тем нацеливал правительство на долговременную идейную борьбу с нигилизмом. Он видел в нигилизме «философскую и социологическую систему, имеющую научные основания» — систему, подлежащую тщательному изучению. Зарождение нигилизма в России было обусловлено, по словам Киреева, неподготовленностью общественного сознания к критическому восприятию нахлынувшего с Запада в 1850-е — 1860-е гг. потока научных (или псевдонаучных), философских, социологических и других теорий. Молодежь, которой была дарована свобода, не получила от своих наставников «Ариадниной нити, которая могла бы помочь ей не потеряться в лабиринте новых впечатлений, идей и догматов». Она не владела ни «нравственной дисциплиной», ни навыками «самостоятельного, трезвого мышления». В итоге все авторитеты были низвергнуты, а «молодежь пошла своей дорогой», став оппозицией «партии порядка». Побороть нигилизм возможно только последовательными, научно и нравственно обоснованными ответами на все насущные вопросы, волнующие умы образованной молодежи. Искомые ответы Киреев находил «в христианской религии и в некоторых философских системах».

Автор записки предостерегал правительство от двух полярно противоположных друг другу крайностей. Первая — желание всех «подтянуть», в чем видится «не только отрицательное, но и положительное средство управления». Другим опасным заблуждением Киреев считал требование учредить «конституционный строй». В записке высмеивались доморощенные «конституционалисты, изучавшие Россию в петербургских салонах, редакциях и канцеляриях», не знающие «государственных идеалов нашего народа». Они не понимают природу конституции, которая «хороша лишь там, где она явилась компромиссом между враждебными, более или менее равными силами, ищущими равновесия и заключающими обоюдодобязательное условие». В качестве примера Киреев приводил английскую «Великую хартию» 1215 г., вырванную «гордыми и могущественными английскими баронами» у короля Иоанна Безземельного. Автор задается вопросом: «с кем же русскому-то царю придется заключать такое двустороннее условие? с какими гордыми и могущественными русскими баронами?». Всерьез говорить о конституции в России невозможно также по причине непонимания русским народом сущности парламентаризма, а «одного слова какого-нибудь решительного и крутонравного государя будет достаточно для того, чтобы петербургские или московские дворники метлами разогнали „говорильню“». Киреев говорит о предпочтительности для России ее «древнего государственного строя», сочетающего неограниченную власть монарха с правом народа заявлять свои нужды и требования, говорить царю «всю правду». Совещательный голос представителей народа открыто и свободно должен звучать на земском соборе.

В июле 1879 г. А.А. Киреев уговаривал вел. кн. Константина Николаевича помочь ему в представлении записки государю. Но опасаясь, что записка будет

принята «дурно», великий князь долго медлил с ответом и согласился на это «как-то нехотя» (22). Вслед за тем сомнения охватили самого Киреева. Только в декабре 1879 г. он решился, на свой страх и риск, послать ее в Зимний дворец (23). Но подробности исполнения данного намерения неизвестны.

Между тем записка А.А. Киреева об избавлении «от нигилизма» напомнила вел. кн. Константину его собственный проект реформы государственного строя России, составленный в 1866 г. Проект предусматривал создание двух совещательных депутатских собраний. Одно, по мысли великого князя, должно было состоять из выборных от губернских земских собраний, другое — из выборных от губернских дворянских собраний. На совещательные собрания предполагалось возложить предварительное рассмотрение местных ходатайств (соответственно — земских и дворянских). Свою записку вел. кн. Константин Николаевич представил государю в конце 1866 г. Но Александр II, несмотря на ее весьма умеренный характер, не только не внес соображения брата на рассмотрение министров, но даже ни разу на протяжении последующих 13 лет не высказал великому князю своего мнения о ней (24).

В июле 1879 г. А.А. Киреев, озадаченный несговорчивостью патрона в вопросе о подаче его записки, наконец, выяснил, что великого князя беспокоило наличие в записке Киреева идеи расширения «прав земства». «Ведь я об этом в 1866 году подавал записку Государю, — говорил великий князь. — Она провалилась. Государь об ней никогда мне не сказал ни слова» (25).

Опасения вел. кн. Константина Николаевича, что идеи А.А. Киреева могут быть восприняты едва ли не как крамола, были напрасными. В царствование императора Александра III, при гораздо более строгой цензуре, записка Киреева будет допущена к печати.

Осенью 1879 г. военный министр Д.А. Милютин составил объемистую политическую записку (26), в которой шел намного дальше планов создания совещательного земского собора. Замыслы военного министра, касающиеся возможной реформы высших государственных учреждений, вполне могут считаться конституционными. Милютин предлагал превратить Государственный совет «в чисто законодательное собрание», включив «в состав Совета избирательный элемент земства». Милютин советовал «без опасения какого-либо переворота или ослабления власти» составить Государственный совет «наполовину из членов по назначению и членов по выбору от губернских земств». В записке предлагалось утвердить принцип «большинства голосов в общем собрании, относительно или абсолютного, смотря по роду дел». Государь имел «право veto»: мог утвердить или отклонить решение большинства, которое без санкции «верховой власти» не имело бы «законной силы». Однако от «верховой власти» предполагалось «торжественное заявление о том, что впредь никакое решение по вопросам законодательным (со включением, разумеется, и финансовых) не будет принято иначе, как установленным законным путем, т.е. чрез Госуд[арственный] совет». Комитет министров, по мнению Милютина, предстояло преобразовать в Совет министров, председателю которого присваивалось бы «значение первого министра». В прямом подчинении последнего должны были находиться осталь-

ные министры. Ведению Совета министров подлежали «все дела исполнительной власти, по которым необходимо единство действий, общее направление». Милютин предлагал расширить права земских учреждений, сделав их, наряду с губернской (областной) администрацией, частью единой системы местной власти.

Военный министр был не единственным из числа высших сановников, готовым представить монарху свой проект правительственной программы. В конце ноября — начале декабря 1879 г. П.А. Валуев вернулся к своему, составленному еще в 1863 г., проекту преобразования Государственного совета и созыва законосовещательного «Съезда государственных гласных», который состоял бы из выборов от земских учреждений. Он частным образом обсуждал свой проект с Д.А. Милютиным и А.В. Головинным (27).

Д.А. Милютин тоже искал случая выдвинуть собственный проект преобразования государственного строя России, но не верил в «осуществление такого желания в близком будущем, так как необходима для того полная перемена и в личном составе, и в настроении высшей правительственной власти» (28). Он был противником любых половинчатых мер либерального толка: в частности — тех, которые содержались в проекте Валуева 1863 г. Военный министр резонно недоумевал: «Что будут делать эти представители земства в составе Государственного совета, когда все заботы высшего правительства направлены к усилению мер строгости, когда предоставлен администрации, на всех ее ступенях, полный произвол, когда вся Россия, можно сказать, объявлена в осадном положении. При настоящем настроении государя было бы совершенно несвоевременно возбуждать вопрос о какой бы то ни было реформе, имеющей характер либеральный» (29).

Александр II, по приезде из Крыма в Петербург в конце ноября 1879 г., выглядел грустным, серьезным и постаревшим (30). Он получал новые тревожные известия о революционерах. Теперь они относились к подготовке взрыва в самом Зимнем дворце. Кроме того, царь вообще перестал говорить «про дела» с кем-либо из высших сановников (31). Молчание монарха вскоре вылилось в проект наделения генерал-губернаторов неограниченными правами. На глубину политического кризиса указывало и то обстоятельство, что самым решительным критиком данного намерения верховной власти выступил царский брат — вел. кн. Константин Николаевич (32).

Судьба административных полномочий генерал-губернаторов решалась в Комитете министров 18 декабря 1879 г. Вел. кн. Константин Николаевич пришел в Комитет министров, чтобы не только разгромить замыслы расширения прав временных генерал-губернаторов, но и оспаривать дальнейшее сохранение этого института.

Представление «о разъяснении некоторых прав временных генерал-губернаторов» было подписано шефом жандармов А.Р. Дрентельном, министром внутренних дел Л.С. Маковым и управляющим Министерством юстиции Э.В. Фришем (министр Д.Н. Набоков находился в отпуске) (33). Главы трех ведомств предлагали свое «разъяснение» прав генерал-губернаторов, в т.ч. «временных». В их руках уже были сосредоточены вопросы «охраны государства и общества

от распространения зловердной пропаганды и вообще противуправительственных действий». Теперь генерал-губернаторов предполагалось наделить правами: издавать постановления, имеющие обязательный характер; подвергать аресту сроком до 3 месяцев, а также налагать денежные взыскания на сумму до 500 рублей и конфисковывать предметы, которые могут быть использованы в антиправительственных целях; закрывать торговые и промышленные заведения, ограничивать право на торговлю (34).

Вел. кн. Константин Николаевич немедленно раскритиковал проект Макова — Дрентельна — Фриша. Он ссылался на отсутствие единства в действиях генерал-губернаторов (35) и говорил «о ненормальности предположенных широких полномочий» (36), начав «с того, что при десяти генерал-губернаторах может быть десять законодательств» (37). Слова Константина не понравились П.А. Валуеву, которому в ближайшие дни предстояло занять пост председателя Комитета министров вместо тяжелобольного гр. П.Н. Игнатьева (скончался 20 декабря 1879 г.). Валуев желал воплотить свой, не лишенный корысти, план. Генерал-губернаторы должны были стать исполнителями царской воли «при посредстве Комитета министров». Таким образом, Петр Александрович рассчитывал обеспечить себе роль реального правителя России.

Ни один из сановников, подписавших представление, не поднялся на защиту своего документа (38). Тогда Валуев, не числившийся в авторах записки, выступил оппонентом великого князя. «Меня взорвало, — писал он, — и я резко заявил свое мнение, добавив, что в случае какого бы то ни было изменения по существу представления я сделаю разногласие». Валуев победил, потому что ни один министр не пожелал продолжения спора. «Эта полувыходка, — откровенно признавался Валуев, — смутила всех, в том числе и великого князя, и дело прошло без дальнейших разговоров, кроме мелочных редакторских...» (39). Смущенные сановники, среди которых был и Д.А. Милютин, пропустили проект «почти без прений» (40). Только вел. кн. Константин Николаевич, нашедший в речи Валуева одни «громкие и пустые фразы», ответил «очень резко». Но сановное «малодушие» обескуражило и его (41). На первой странице «Особого журнала» вскоре появилась резолюция государя: «Исполнить» (42). Валуев не скрывал торжества и не замедлил примерить лавры «спасителя отечества». Не удержался он и от назидательных поучений: «Возмутительно, что, кроме меня, никто не принимает таких вопросов к сердцу. Вместо единодушного отпора врагам государства его высшие члены заняты междуусобицей компетенций и старанием друг друга ставить в рамки» (43).

Впрочем, продолжение столкновения с царским братом было не в интересах П.А. Валуева. Личное «объяснение» обоих сановников состоялось 26 декабря. Валуев дипломатично согласился с собеседником, что «невозможно продолжать идти теперешним путем». Великий князь был удовлетворен такой вежливостью и пожелал Валуеву успеха в новой должности. Он «серьезно» говорил о высоком значении Комитета министров. В этом Валуев был, разумеется, «совершенно» согласен с царским братом (44). Подобное совпадение взглядов не было случайностью, но собеседники руководствовались разными

мотивами. Великий князь проводил мысль о единстве в делах управления, а Валуев рассчитывал лично стать олицетворением этого единства.

Незадолго до прихода на пост председателя Комитета министров П.А. Валуев начал готовить новое выдвижение своего проекта 1863 г. В июне, а затем 10 декабря 1879 г., он говорил Александру II о необходимости преобразования Государственного совета. 17 декабря Валуев передал государю свой проект 1863 г. с записками к нему (45). Вероятно, в будущем он намеревался держать в своих руках оба враждебных друг другу политических начала — административное самовластье генерал-губернаторов, номинально подчиненных государю «при посредстве Комитета министров», и выборное представительство, которое будет обязано ему самим своим существованием.

Начало делу было положено 9 января 1880 г.: Александр II заговорил с П.А. Валуевым о «записке 1863 г. с ее приложениями». Но тогда же он «прочитал» Валуеву записку вел. кн. Константина Николаевича, «исчезнувшую с 1866 г.». У Валуева сложилось впечатление, что записка брата импонирует государю больше, чем проект 1863 г., по причине ее «узкости». Царь отдал Валуеву оба проекта и сказал, что намерен собрать по этому вопросу совещание. В качестве участников совещания Александр II наметил, наряду с П.А. Валуевым и главноуправляющим II Отделением кн. С.Н. Урусовым, министра внутренних дел, шефа жандармов «и проч.». Цесаревич, присутствовавший при разговоре государя с Валуевым, здесь же выразил свое неприятие всякого «конституционализма», который считал «гибельным» (46).

Вел. кн. Константин Николаевич узнал о намерении своего царственного брата приступить к рассмотрению проектов реформы государственного строя России несколько позже, чем П.А. Валуев — 13 января 1880 г., хотя о существовании своей записки 1866 г. помнил всегда. О ней великий князь говорил с А.В. Головниным не далее, как 11 января 1880 г. Тогда Головнину уже было известно, что государь, минуя брата, ведет поиски этой записки. Найти ее удалось не сразу: в бумагах Александра II она поначалу затерялась, а у кн. С.Н. Урусова хранился только черновик (47).

13 января 1880 г. Александр II лично приехал к брату в его резиденцию — Мраморный дворец и завел речь о записке 1866 г. «Государь сообщил мне теперь, — рассказывал Константин государственному секретарю Е.А. Перетцу, — что желал бы к предстоящему дню 25-летия его царствования (19 февраля 1880 г. — В.В.) оказать России знак доверия, сделав новый и притом важный шаг к довершению предпринятых преобразований. Он желал бы дать обществу большее, чем ныне, участие в обсуждении важнейших дел» (48). Итак, Александр II высказал брату намерение завершить реформы преобразованием всего государственного устройства созывом выборных представителей. Он решил образовать Особое совещание и внести на его рассмотрение «два предположения»: записку великого князя 1866 г. и проект Валуева 1863 г., который Константин считал «несколько более либеральным». Председательство в Особом совещании царь поручил Константину, а членами Совещания решил назначить цесаревича, П.А. Валуева, кн. С.Н. Урусова, А.Р. Дрентельна и Л.С. Макова.

Великий князь ликовал: «Быть может, прекратится время реакции и наступит заря возрождения» (49). Вечером того же дня государь сказал брату, что его записку «нашел у себя между бумагами» (50). Напомним, что для Валуева эта находка с 9 января не была новостью. В момент разговора царя с братом записка 1866 г. по-прежнему находилась у Валуева (51).

14 января П.А. Валуев прислал вел. кн. Константину Николаевичу его записку (52). По нездоровью он не приезжал к великому князю в Мраморный дворец, но внимательно отслеживал дальнейший ход дела (53). 15 января к П.А. Валуеву приезжал Л.С. Маков. Он рассказал, что вел. кн. Константин «заговорил» с ним о своей записке. Полной неожиданностью оказалась царская воля для А.Р. Дрентельна. Александр II сказал шефу жандармов, что «имеет в виду нечто к 19-му февраля». Дрентельн «предложил даровать какие-то облегчения полицейским поднадзорным». Государь был согласен и на это. «Пожалуй, — сказал он, — но это особо, а дело в другом» (54).

Вел. кн. Константин Николаевич попытался привлечь на свою сторону министра внутренних дел. 16 января он полтора часа говорил с Л.С. Маковым и без труда добился от него слов солидарности. Великий князь был уверен, что записка «очень понравилась» Макову (55). Он не учел, что министр имел обычай всегда соглашаться с вышестоящим начальством — тем более, что великий князь ссылался на волю государя. Настала очередь переговоров с автором другого политического проекта — П.А. Валуевым. 17 января Валуев, наконец, приехал в Мраморный дворец. Он уверил царского брата в тождественном характере их взглядов на основные начала намечаемого преобразования. О предположениях Валуева великий князь теперь говорил: «Они ближе сходятся с моей запиской, чем я думал» (56). Он был почти уверен, что его коалиция с Валуевым уже существует. Но Валуев остался верен только самому себе. Заметив намерение собеседника «заключить союз на дальнейшее действие», он, по собственным словам, «уклонился, говоря, что прежде всего нужно выждать указаний государя». Правда, развеивать надежды великого князя на сотрудничество он не стал. Валуев назвал собеседнику «три условия: чтобы дело было не мелкое; чтобы *совещательное* участие в законодательстве было предоставлено лицам, выбранным для того из губерний; и чтобы не было племенных исключений или ограничений». Девиз Валуева гласил: «не гостинодворские начала, а начала Всероссийской империи» (57).

Риторика П.А. Валуева стоила недорого. С 18 января дело «совещательно» представительства начало сворачиваться. Царь, сперва одобрявший идеи проектов 1863 и 1866 гг., теперь, под влиянием кн. С.Н. Урусова, изменил свой взгляд. 18 января он пересказал Валуеву мнение Урусова: к юбилейному дню «ничего не делать. Многого нельзя; малое, по его мнению, не удовлетворит». Валуев уговорил монарха «все-таки» обсудить имеющиеся проекты, но уловил перемену в замыслах царя и теперь стремился во что бы то ни стало не допустить прохождения проекта вел. кн. Константина — своего соперника. Поэтому Валуев уведомил мнительного государя о закулисных переговорах его брата — упомянул, что его «к себе требовал великий князь генерал-адмирал», а затем

«испросил» и получил «дозволение» сообщить Константину свою «записку». Многоплановая интрига необычайно вдохновляла Валуева: «Кризис по этому радикальному вопросу наступает!» (58).

Вел. кн. Константин Николаевич также готовился к спорам с возможным оппонентом. 19 января он прочитал присланные П.А. Валуевым документы и высказал Е.А. Перетцу критическое отношение к ним. Великий князь признал, что «предположения» Валуева «гораздо шире. Хотя собранию и не дается решительного голоса, но оно обставлено почти как настоящий парламент и судит чуть не обо всех делах». Однако в такой смелости замыслов он нашел и их главный недостаток: «это слишком широко и опасно» (59). Он также считал, что проект Валуева на поверку окажется совершенно бесполезным: «Формы особенно торжественны и совершенно парламентские, а в сущности это просто мыльный пузырь. Я гораздо предпочитаю мою записку 1866 года с предположениями гораздо более скромными и практическими» (60).

20 января гостем вел. кн. Константина был кн. С.Н. Урусов. Царский брат, очевидно, не знал о разговоре Урусова с государем и о новой перемене во взглядах монарха. Поэтому трактовка великим князем мнения Урусова была упрощенной: «Оказывается, что он ужаснейший трус, всего боится, и хотя предпочитает мои предложения Валуевским, но считает еще лучше и осторожнее вовсе ничего не делать. Très joli!!! [Очень мило!!! — фр.]» (61).

Утром 21 января 1880 г. великий князь вызвал к себе Е.А. Перетца «ранее обыкновенного», чтобы выслушать его соображения насчет необходимых исправлений в проекте 1866 г. «Главными» замечаниями Перетца были:

1) в ведении депутатов «должно быть не только обсуждение ходатайств дворянства и земства; еще несравненно важнее предварительное обсуждение проектов новых законов, а об этом в правилах не упоминается»;

2) «едва ли удобно иметь при Государственном совете еще *два* собрания: одно дворянское, другое земское. Дворянство есть теперь часть земства, а не равноправно, или правильнее — не равносильно ему». Перетц предложил оставить «только *одно* общее собрание» (62).

Передачу депутатам права совещательного обсуждения законопроектов и давно назревшее исключение из проекта упоминания о собрании дворянских депутатов Константин «совершенно» одобрил, отметив, что государственный контролер Д.М. Сольский дал в точности такой же совет (63).

21 января 1880 г. Александр II собрал членов Особого совещания в Зимнем дворце. Вел. кн. Константин Николаевич, не успевший обновить записку 1866 г., сам зачитывал ее, давая «нужные объяснения» (64). П.А. Валуев слушал великого князя с неприязненной иронией. По его словам, царский брат произнес речь «в обычном полуарлекинном тоне». Валуева раздражали слова Константина об использовании «русских, а не заграничных начал», «о бессословности», «о земстве», «о будто бы в прежнее время раздражившем дворянство крестьянском освобождении» (65). Великий князь не замечал неблагоприятных перемен вокруг себя и надеялся на поддержку своего царственного брата (66).

Но Валуев представлял дело иначе: «Государь с самого начала сказал, что только ставит вопрос и предоставляет его обсудить предварительно между нами». «Краткие» суждения князя Урусова, Дрентельна и Макова «обнаружили несочувствие». Сам Валуев ограничился общими призывами «положить предел пассивности добронамеренного большинства» (67).

Из высказанных мнений царскому брату запомнились только слова наследника Александра Александровича, который «стал высказывать свои сомнения насчет своевременности этой меры, и (...), кажется, предпочел бы, вроде Урусова, теперь ничего не делать» (68).

П.А. Валуев зафиксировал более определенный и отрицательный смысл замечаний наследника: «Цесаревич сказал, что ничего делать не следует, потому что призванные представители сословий будут неудобные крикуны, адвокаты и т.п.». Учел Валуев и реакцию присутствующих: «Оппозиция цесаревича имела видимое влияние на князя Урусова и Макова» (69). Это придало Валуеву уверенности в успехе. Сразу после заседания в Зимнем Валуев разослал письма Л.С. Макову и кн. С.Н. Урусову. В этих письмах он объявлял «дело проигранным, во-первых, потому что между нами нет необходимого единодушия, во-вторых, потому что оно попало в руки генерал-адмирала». Валуев сообщал, что снимает с обсуждения свой проект 1863 г.: «Мне выгоднее, для будущего, уступить, чем быть отбитому» (70). Маков и Урусов ответили Валуеву в тот же день. Маков писал, что намерен выступить против проекта великого князя (71). Урусов представил Валуеву свою записку, в которой указывал иной способ успокоить общество и одержать победу над революционными силами — «централизацию власти». Он подчеркивал, что «всякое расширение политических прав подданных в смутное время не может быть принято иначе, как за уступку, вызванную бессилием и затруднительностью положения правительственной власти» (72). Валуев был невысокого мнения о суждениях коллег. У Макова он нашел «необтесанную ограниченность взгляда», у кн. Урусова — «лакеризм», у Дрентельна — «инстинктивную робость». Приговор Валуева всей правительственной деятельности был уничтожающим. Валуев говорил о необходимости новых потрясений ради замены непригодных сановников: «Быть может, для перехода к другому порядку мыслей и дел нужно, чтобы под нами почва еще более заколебалась» (73).

23 января Особое совещание заседало в Мраморном дворце. Наследник, выехавший встречать императрицу, отсутствовал (74). Вел. кн. Константин Николаевич не стал отменять заседание и предложил присутствующим высказаться «предварительно, собственно для разъяснения различных взглядов» (75). Первым выступил Е.А. Перетц, лично приглашенный великим князем к участию. Рассказав о смысле проекта вел. кн. Константина Николаевича, он подробно остановился на законопроектах, «по которым было бы полезно выслушать людей практических». Члены Совещания молча выслушали докладчика, не задав ему никаких вопросов. Это «показалось» Перетцу «дурным признаком». Затем вел. кн. Константин Николаевич торжественно спросил: «... которому из двух проектов сле-

дует отдать предпочтение: проекту ли П.А. Валуева или же проекту великого князя?». Не менее торжественно (со слов: «Ваше императорское высочество...») начинался ответ П.А. Валуева, который отдал предпочтение собственному проекту. Но, сославшись на несогласие со своим проектом, частным образом выраженное членами Совещания, Валуев объявил о намерении *«резервироваться»*, т.е. отложить его обсуждение до более подходящего момента (76).

Затем вел. кн. Константин предложил принять свой проект, но сообщил две устные поправки к нему: «Во-первых, нет надобности в двух собраниях: земском и дворянском; достаточно одного, которое должно служить представителем всех сословий, в том числе и дворянского; и во-вторых, это общее собрание должно иметь целью не только обсуждение ходатайств, но также, и даже главным образом, предварительное рассмотрение проектов новых законов» (77).

Первым высказался кн. С.Н. Урусов. Он предостерегал от опасности мер, которые будут истолкованы как «уступка»: «Не будут ли говорить, что правительство испугалось социально-революционной партии?». Суждения С.Н. Урусова были развиты А.Р. Дрентельном, предрекавшим «нескончаемые затруднения». Шеф жандармов и министр внутренних дел предложили отсрочить рассмотрение проекта. Л.С. Маков говорил о нежелательности предлагаемых шагов до исправления «ненормального» положения. Он имел в виду, с одной стороны, «преступления социалистов», а с другой — «крайности» некоторых генерал-губернаторов. Вел. кн. Константину Николаевичу пришлось согласиться с нежелательностью издавать «закон в торжественный день 19 февраля». Проект, по его словам, «просто дело полезное, даже необходимое, но чем скромнее и проще оно будет сделано, тем лучше» (78).

Когда члены Совещания заговорили о «практической стороне дела», замечаний меньше не стало. Маков и Дрентельн опасались «многочисленного собрания гласных», которые превратятся в «опасную оппозицию». Вел. кн. Константин Николаевич неудачно опровергал эти утверждения правом властей собирать депутатов только от некоторых местностей, а для обсуждения общеимперских законопроектов — «последовательными сериями». В ответ Валуев заявил, что «ни у одного министра не достанет ни времени, ни терпения для защиты своих предположений по несколько раз перед собраниями различного состава». С Валуевым был вынужден согласиться и Перетц. Он признал, что в этом случае каждый обсуждаемый законопроект поступал бы в Государственный совет лишь через 3—4 года. Вел. кн. Константин Николаевич закончил прения обещанием доработать проект «в подробностях» и учесть «указания» коллег (79). Он, еще недавно благодушно ожидавший успеха своего проекта, был разочарован и уповал на то, что своими разъяснениями «немного поколебал оппозицию» (80).

24 января Константин предпринял смелую попытку привлечь на свою сторону наследника престола. «Рассказал Сашке результат вчерашнего заседания», — читаем в дневнике царского брата. Но результат разговора выразился только в том, что цесаревич «обещал приехать на завтрашнее» (81).

25 января Особое совещание вновь собралось в Мраморном дворце. Вел. кн. Константин Николаевич повторил, специально для наследника, свои главные суждения. От имени всех присутствующих он, обращаясь к цесаревичу, подвел итог предшествующего заседания: «Совещание, не признавая удобным издать проект к 19 февраля, находит его, однако, в общих чертах полезным; поэтому проектированные правила, по некоторой разработке их, могут пригодиться в близком будущем: не сегодня, так завтра» (82).

Вскоре, однако, выяснилось, что царский брат выдал желаемое за действительное. Цесаревич парировал резюме дяди категорическим несогласием с «конституционным» проектом: «Я не разделяю этого взгляда. По моему мнению, проекта не нужно издавать ни сегодня, ни завтра. Он есть, в сущности, начало конституции, а конституция, по крайней мере надолго, не может принести нам пользы. Выберут в депутаты пустых болтунов-адвокатов, которые будут только ораторствовать, а пользы для дела не будет никакой» (83).

Константин был поражен резкими возражениями племянника и пытался полемизировать с ним. Но мнение наследника поддержали Л.С. Маков и П.А. Валуев. Сначала Маков на конкретных примерах доказывал бездеятельность земства. Затем Валуев язвительно заметил, что не видит «никакой необходимости и даже пользы от предварительного рассмотрения законодательных дел представителями общества». Он ставил правительственных деятелей «несравненно выше каких бы то ни было местных представителей» — людей, «несравненно менее образованных и развитых». По-своему крылатой стала фраза Валуева: «Я желал бы знать, какую можно извлечь пользу из того, что скажет по законодательному проекту представитель какого-либо Царевококошайска или Козьмодемьянска?». Именно Валуев первым предложил отвергнуть проект великого князя. Он выражал абстрактную надежду на то, что в России состоится постепенное становление «общих конституционных порядков, составляющих достояние всего образованного мира» (84).

Итак, цель П.А. Валуева была достигнута. Свое согласие с ним лаконично выразил кн. С.Н. Урусов, А.Р. Дрентельн и Л.С. Маков при этом «одобрительно закачали головою». Вел. кн. Константин Николаевич объявил об отзыве своего проекта, оставляя за собой «право представить его вновь государю, когда это окажется своевременным» (85). Валуев ликовал. Его враждебность к царскому брату теряла элементарные логические основания. Валуев объяснял ее очень просто: «Он мне вообще невыносим» (86). Вел. кн. Константин был более сдержан. Он лишь иронично спросил Перетца: «А что скажете Вы про Валуева? Не правда ли, он был прелестен со своим Царевококошайском и Козьмодемьянском?». Перетц негодовал: «Как он мог, будучи автором конституционного проекта, несравненно более либерального, позволить себе отрицать всякую пользу участия представителей общества в обсуждении законодательных дел?». Великий князь прервал собеседника: «Бог с ним!» (87).

Рассмотрение проекта вел. кн. Константина Николаевича формально завершилось на совещании у государя 29 января 1880 г. Константин исполнил не-

приятную обязанность озвучивать мнение членов Особого совещания, которое не разделял. При этом он оговорился, что вынужден «подчиниться» и намерен со временем вновь представить монарху «мысли» своей «записки». Александр II подвел немудреный итог, объявив, что к 19 февраля 1880 г. — 25-летнему юбилею его царствования — «ничего не будет» (88). Аналогичным образом государь резюмировал исход прений в своей памятной книжке: «Совещ[ание] с Костей и друг[ими]. Реш[или] ничего не дел[ать]» (89).

Небезынтесными представляются отголоски секретных совещаний, дошедшие до А.А. Киреева. Последнему, налету схватывавшему всякую придворную новость, в конце января 1880 г. стало известно о написании П.А. Валуевым некоего проекта «совещательного собрания, земской думы или представителей от земства в Госуд[арственный] совет». 2 февраля Киреев узнал, что «действительно — что-то пишется и обсуждает[ся]». На следующий день до него дошел слух «про двух премьеров». Но, зная характер монарха, Киреев не придавал делу никакого значения: «Это пустяки, государь никогда на премьерство [не согласится]» (90). Он был прав. Политическая сатисфакция председателя Комитета министров и председателя Государственного совета («двух премьеров») состоялась. Поражение потерпели обе стороны.

Вечером 5 февраля 1880 г. в Зимнем дворце прогремел взрыв. Было убито 9 солдат караула лейб-гвардии Финляндского полка, ранено более 40 человек. Политический кризис вступал в свою решающую фазу. Вскоре в России была образована Верховная распорядительная комиссия во главе с «главным начальником» — генералом М.Т. Лорис-Меликовым. Это был новый неформальный «премьер», наделенный чрезвычайными правами.

Вел. кн. Константин Николаевич приступил к обновлению своего политического проекта сразу после заседания 25 января 1880 г. Он вручил Е.А. Перетцу записку 1866 г., велел ее переделать, «как мы условились» (91).

Е.А. Перетц подготовил новую редакцию политического проекта вел. кн. Константина Николаевича до начала осенней сессии Государственного совета. 17 октября 1880 г. он рассказал о проекте великого князя М.Т. Лорис-Меликову, занявшему к тому времени пост министра внутренних дел. «Лорис», к удивлению Перетца, «знал» о проекте и его рассмотрении в Особом совещании. Перетц также упомянул о поручении великого князя переработать проект 1866 г. и спросил собеседника, «есть ли, по его мнению, возможность успеха этого дела или же следует сдать его в архив». Лорис-Меликов одобрил проделанную Перетцом работу: «Я вполне разделяю мысль о необходимости выслушивать мнение толковых и практических людей (...) Нет, не бросайте Вашего проекта, — он может пригодиться. Нужно только подумать о том, как бы осторожнее и практичнее это сделать» (92). 10 ноября Е.А. Перетц вручил вел. кн. Константину Николаевичу, вернувшемуся из-за границы, новую редакцию его политического проекта. Константин поблагодарил, обещая «при случае переговорить с Лорис-Меликовым» (93).

Разработанный вел. кн. Константином Николаевичем проект реформирования политического строя России (94), соавтором которого стал Е.А. Перетц, ис-

ключал возможность компромисса с революционными силами. Идея «ограничения самодержавия» формально отвергалась. Вместе с тем выражалась надежда на достижение согласия между правительством и большинством образованного общества. Подтверждалась уже выраженная в записке 1866 г. мысль об опоре на нормы отечественного законодательства, отказ от использования европейского правового опыта призван был устранить всякое сходство проекта с конституционными замыслами.

В записке 1880 г. предлагался созыв «по мере надобности, при Государственном Совете, совещательного собрания их экспертов или гласных, избираемых для сего губернскими земскими собраниями и городскими думами наиболее значительных городов». Была лаконично и четко обозначена компетенция будущего совещательного собрания: «предварительное рассмотрение законодательных предположений, требующих ближайшего соображения с местными потребностями, а также предварительное обсуждение ходатайств земских и дворянских собраний и городских дум». Итак, согласованные в начале года изменения проекта нашли свое отражение в тексте. Предусматривалось также составление на основании новой записки «подробных правил».

Представительное учреждение, которое предстояло образовать при Государственном совете, было названо «Совещательным собранием гласных». Собрание должно было созываться высочайшим указом, где будет определен срок его работы. Если Собрание создано в неполном составе, то в указе перечисляются также губернии и города, от которых вызываются гласные. Выборы гласных следовало поручить губернским земским собраниям и городским думами самых крупных русских городов: Санкт-Петербурга, Москвы, Одессы, Киева, Харькова, Риги, Казани, Кишинева, Саратова, Вильны и Тифлиса. В отличие от проекта 1866 г. особо оговаривалось, что гласные должны избираться только из собственной среды земских собраний и городских дум. Не допускалось избрание гласными государственных чиновников и адвокатов («присяжных поверенных и поверенных по судебным делам») (95). От каждой губернии и от перечисленных городов предполагалось избирать по одному гласному. Контроль над выборами должен был возлагаться на губернаторов. Высочайшим указом, изданным по представлению председателя Государственного совета, Совещательное собрание могло подразделяться на отделения для одновременного рассмотрения нескольких дел. Назначение председателя и вице-председателя Собрания, которыми могли бы стать только члены Государственного совета, было отнесено к прерогативам государя-императора. Для удобства в работе «по делам сложным» Собранию следовало разрешить создание «подготовительных комиссий». Журналы Совещательного собрания с законодательными предположениями вносятся в Государственный совет, а с заключениями по ходатайствам земских и дворянских собраний и городских дум — в Комитет министров. Журналы Собрания, наряду с мемориями Государственного совета и журналами Комитета министров, «представляются на Высочайшее воззрение».

Итак, составленная Е.А. Перетцом новая редакция проекта вел. кн. Константина Николаевича не только внесла исправления в ранее выработанные положения, но и стала черновым вариантом предполагаемого закона.

В конце 1880 г. великий князь приступил к новому выдвиганию своего проекта. 5 декабря он имел разговор с М.Т. Лорис-Меликовым «про его политические планы» (96). В декабре 1880 — первой половине января 1881 г. между обоими деятелями состоялось несколько бесед «о желательности призыва в Государственный совет гласных от земств и городов». 5 января 1881 г. Константин сказал Е.А. Перетцу, что решил «дать ход записке об учреждении при Совете совещательного собрания гласных». 13 января Д.М. Сольский сообщил Е.А. Перетцу, что Лорис-Меликов «советовался с ним о том, как бы лучше и осторожнее» осуществить мысль о «призыве» выборных лиц. М.Т. Лорис-Меликов существенно урезал замысел вел. кн. Константина Николаевича и Е.А. Перетца. Он отказался от идеи «постоянного учреждения» и соглашался только с созывом «депутатов от земств и городов в редакционную комиссию, на которую будет возложено предварительное рассмотрение законодательных предположений». Таким половинчатым решением Перетц был не очень доволен, но выбирать было не из чего. «Может быть, он и прав, — заметил Перетц о «Лорисе», — хотя это не совсем то, что нами предполагалось, но все же лучше сделать шаг вперед, чем вовсе его не делать» (97).

28 января 1881 г. Лорис-Меликов представил государю «всеподданнейший доклад», который удостоился в либеральной литературе конца XIX — начала XX вв. наименования «конституции графа Лорис-Меликова» (98). Между тем последний повод к толкам о «конституционности» проекта («совещательное собрание» депутатов) был устранен и заменен созданием двух «временных подготовительных комиссий». Члены комиссий должны были назначаться государем из числа министерских чиновников, сенаторов и иных лиц, владеющих знанием «народной жизни». Одной комиссии предполагалось передавать на рассмотрение вопросы «административно-хозяйственные», другой — «финансовые». Затем обе комиссии должны были образовать одну — «Общую комиссию». Для совещательного участия в ее работе по предварительному рассмотрению законопроектов следовало призвать «выборных» от губернских земских собраний и городских дум крупных городов (99).

Таким образом, политические проекты вел. кн. Константина Николаевича 1866 и 1880 гг. трансформировались в положения «всеподданнейшего доклада» М.Т. Лорис-Меликова от 28 января 1881 г., его «конституции». Конечно, в случае одобрения данного начинания, конституционное устройство могло стать делом будущих поколений. Оно должно было сформироваться в совершенно новой социально-политической действительности. Вел. кн. Константин Николаевич подчеркивал сугубо «практический» характер своего начинания, считая необходимым и полезным сверять правительственную деятельность с совещательным мнением выборных общественных деятелей. В то же время неизбежность становления конституционных начал явным образом просматривается в политических проектах и записках либерально настроенных государственных деятелей последних лет царствования Александра II. Неразрешимым оставался лишь вопрос о том, в какой мере та или иная «конституция» может служить

компромиссом между властью и оппозиционным обществом, а тем более — между самодержавием и «революцией».

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х гг. — М., 1964; Он же. Российское самодержавие в конце XIX в.: (Политическая реакция 80-х — нач. 90-х гг.). — М., 1970; Он же. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. — М., 1978.
- (2) *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. — М., 1983; *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. — М., 1968; *Оржиховский И.В.* Из истории внутренней политики самодержавия в 60—70-х гг. XIX в. — Горький, 1974; *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). — М., 1978; *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. — Л., 1978.
- (3) Великие реформы в России, 1856—1874: Сб. ст. / Под ред. Л.Г. Захаровой, Дж. Бушнелла, Б. Эклофа. — М., 1992; Власть и реформы. От самодержавной к Советской России / Ред. Б.В. Ананьич. — М., 2006; *Захарова Л.Г.* Александр II // Российские самодержцы. 1801—1917. — М., 1993; Она же. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х гг. XIX в. в России // История СССР. — 1989. — № 10; Она же. Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. — 2005. — № 2, 4; *Итенберг Б.С., Твардовская В.А.* Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. — М., 2004; *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 — середина 1870-х гг. — М., 2002; *Мамонов А.В.* Граф М.Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности // Отечественная история. — 2001. — № 5; Он же. Граф М.Т. Лорис-Меликов и формирование правительственной политики в 1880—1881 гг. // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка / Сост. Л.Г. Захарова, С.В. Мироненко, Т. Эммонс. — М., 2008, и др.
- (4) Дневник Д.А. Милютина. — М., 1949. — Т. 3. — С. 41.
- (5) ГА РФ. — Ф. 722 (вел. кн. Константина Николаевича). — Оп. 1. — Ед. хр. 1160. — Л. 13 об.
- (6) Дневник Д.А. Милютина. — Т. 3. — С. 43—44.
- (7) Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. — СПб., 2005. — С. 437.
- (8) ОР РГБ. — Ф. 126 (Киреевых и Новиковых). — Ед. хр. 7. — Л. 136.
- (9) Дневник Д.А. Милютина. — Т. 3. — С. 85.
- (10) ГА РФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Ед. хр. 1161. — Л. 29.
- (11) ОР РГБ. — Ф. 126. — Ед. хр. 7. — Л. 170 об.
- (12) Дневник Д.А. Милютина. — Т. 3. — С. 87.
- (13) ОР РГБ. — Ф. 126. — Ед. хр. 7. — Л. 173.
- (14) ОР РГБ. — Ф. 126. — Ед. хр. 7. — Л. 173.
- (15) ГА РФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Ед. хр. 1161. — Л. 43 об.
- (16) Дневник Д.А. Милютина. — Т. 3. — С. 128—129.
- (17) Там же. — С. 134—137.
- (18) ГА РФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Ед. хр. 1162. — Л. 32 об.
- (19) *Богданович А.В.* Три последних самодержца. — М., 1990. — С. 25.
- (20) ГА РФ. — Ф. 109 (III Отделения с. е. и. в. канцелярии). Секретный архив. — Оп. 3. — Ед. хр. 2645. — Л. 1—2.
- (21) ОР РГБ. — Ф. 126. — Ед. хр. 8. — Л. 91.
- (22) Там же. — Л. 55 об — 56 об.

- (23) Там же. — Л. 95 об.
- (24) Проект вел. кн. Константина Николаевича 1866 г. — см.: Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. — Т. 1. — М., 1966. — С. 61—64; о подготовке и рассмотрении проекта 1866 г. — подробнее см.: Воронин В.Е. Политические взгляды и замыслы великого князя Константина Николаевича в середине 1860-х годов // Отечественная история. — 2007. — № 5. — С. 61—72.
- (25) ОР РГБ. — Ф. 126. — Ед. хр. 8. — Л. 57 об. — 58.
- (26) Там же. — Ф. 169 (Милютиных). — Картон 44. — Ед. хр. 12. — Л. 1—17 об.
- (27) Дневник Д.А. Милютина. — Т. 3. — С. 181, 186; ГА РФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Ед. хр. 1163. — Л. 64; см. также: РГИА. — Ф. 851 (Головнина А.В.). — Оп. 1. — Д. 16. — Л. 3.
- (28) Дневник Д.А. Милютина. — Т. 3. — С. 184.
- (29) Там же. — С. 186—187.
- (30) Дневник Д.А. Милютина. — Т. 3. — С. 181; ГА РФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Ед. хр. 1163. — Л. 62 об.
- (31) ГА РФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Ед. хр. 1163. — Л. 63.
- (32) Там же. — Л. 61.
- (33) РГИА. — Ф. 1263 (Комитета министров). — Оп. 1. — Д. 4055. — Л. 243—282 об.
- (34) Там же. — Л. 274—277 об.
- (35) ГА РФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Ед. хр. 1163. — Л. 71 об.
- (36) Дневник Д.А. Милютина. — Т. 3. — С. 193.
- (37) *Валуев П.А.* Дневник 1877—1884. — Пг., 1919. — С. 40—41.
- (38) *Валуев П.А.* Дневник 1877—1884. — Пг., 1919. — С. 41.
- (39) *Валуев П.А.* Дневник 1877—1884. — Пг., 1919.
- (40) Дневник Д.А. Милютина. — Т. 3. — С. 193.
- (41) ГА РФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Ед. хр. 1163. — Л. 71 об.
- (42) РГИА. — Ф. 1263. — Оп. 1. — Д. 4055. — Л. 243, 281 об. — 282 об.
- (43) *Валуев П.А.* Дневник 1877—1884. — Пг., 1919. — С. 41.
- (44) ГА РФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Ед. хр. 1163. — Л. 76—76 об.
- (45) *Валуев П.А.* Дневник 1877—1884. — Пг., 1919. — С. 38—40, 48; *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. — М., 1968. — С. 57.
- (46) *Валуев П.А.* Дневник 1877—1884. — Пг., 1919. — С. 47—48.
- (47) РГИА. — Ф. 851. — Оп. 1. — Д. 16. — Л. 1.
- (48) Извлечения из воспоминаний статс-секретаря Перетца, относящихся к 1880—1881 гг. // ГА РФ. — Ф. 677 (имп. Александра III). — Оп. 1. — Ед. хр. 134. — Л. 1—1 об.
- (49) Там же. — Л. 1 об. — 2.
- (50) ГА РФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Ед. хр. 1164. — Л. 7.
- (51) Там же. — Л. 7—7 об.
- (52) Там же. — Л. 8.
- (53) *Валуев П.А.* Дневник 1877—1884. — Пг., 1919. — С. 48.
- (54) Там же.
- (55) ГА РФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Ед. хр. 1164. — Л. 9.
- (56) Там же. — Л. 9—9 об.
- (57) *Валуев П.А.* Дневник 1877—1884. — Пг., 1919. — С. 49.
- (58) *Валуев П.А.* Дневник 1877—1884. — Пг., 1919.
- (59) Извлечения из воспоминаний статс-секретаря Перетца, относящихся к 1880—1881 гг. // ГА РФ. — Ф. 677. — Оп. 1. — Ед. хр. 134. — Л. 6 об.
- (60) ГА РФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Ед. хр. 1164. — Л. 10—10 об.
- (61) Там же. — Л. 11.
- (62) Извлечения из воспоминаний статс-секретаря Перетца, относящихся к 1880—1881 гг. // ГА РФ. — Ф. 677. — Оп. 1. — Ед. хр. 134. — Л. 6 об. — 7.

- (63) Там же. — Л. 7—7 об.
- (64) ГА РФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Ед. хр. 1164. — Л. 11.
- (65) *Валуев П.А.* Дневник 1877—1884. — Пг., 1919. — С. 50.
- (66) ГА РФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Ед. хр. 1164. — Л. 11.
- (67) *Валуев П.А.* Дневник 1877—1884. — Пг., 1919. — С. 50—51.
- (68) ГА РФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Ед. хр. 1164. — Л. 11.
- (69) *Валуев П.А.* Дневник 1877—1884. — Пг., 1919. — С. 51.
- (70) Там же.
- (71) РГИА. — Ф. 908 (Валуева П.А.). — Оп. 1. — Д. 576. — Л. 80.
- (72) Там же. — Д. 198. — Л. 74 — 77.
- (73) *Валуев П.А.* Дневник 1877—1884. — Пг., 1919. — С. 51.
- (74) См.: ГА РФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Ед. хр. 1164. — Л. 12 об.
- (75) ГА РФ. — Ф. 677. — Оп. 1. — Ед. хр. 134. — Л. 7 об. — 8.
- (76) Там же. — Л. 8—9.
- (77) Там же. — Л. 9—9 об.
- (78) Там же. — Л. 9 об. — 11 об.
- (79) Там же. — Л. 11 об. — 13.
- (80) ГА РФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Ед. хр. 1164. — Л. 12 об. — 13.
- (81) Там же. — Л. 13 об.
- (82) Извлечения из воспоминаний статс-секретаря Перетца, относящихся к 1880—1881 гг. // ГА РФ. — Ф. 677. — Оп. 1. — Ед. хр. 134. — Л. 13 об.
- (83) Там же. — Л. 13 об. — 14.
- (84) Там же. — Л. 14—16 об.
- (85) Там же. — Л. 16 об. — 17 об.
- (86) *Валуев П.А.* Дневник 1877—1884. — Пг., 1919. — С. 53.
- (87) Извлечения из воспоминаний статс-секретаря Перетца, относящихся к 1880—1881 гг. // ГА РФ. — Ф. 677. — Оп. 1. — Ед. хр. 134. — Л. 18 об. — 19.
- (88) Там же. — Ф. 722. — Оп. 1. — Ед. хр. 1164. — Л. 16—16 об.
- (89) Памятная книжка имп. Александра II. Запись 29 января 1880 г. // ГА РФ. Ф. 678 (имп. Александра II). — Оп. 1. — Ед. хр. 334. — Л. 12.
- (90) ОР РГБ. — Ф. 126. — Ед. хр. 8. — Л. 106.
- (91) Там же. — Л. 19—19 об.
- (92) Дневник Е.А. Перетца, государственного секретаря (1880—1883). — М.-Л., 1927. — С. 8; ГА РФ. — Ф. 677. — Оп. 1. — Ед. хр. 134. — Л. 35—36; при встречающихся разночтениях более предпочтительной представляется сверка с архивным документом.
- (93) Дневник Е.А. Перетца (1880—1883). — С. 10—11; ГА РФ. — Ф. 677. — Оп. 1. — Ед. хр. 134. — Л. 36.
- (94) Записка Великого Князя Константина Николаевича [1880 г.] // Вестник права. — 1905. — Кн. 9. — С. 270—284.
- (95) Таким образом, было учтено мнение наследника Александра Александровича об опасности избрания «болтунов-адвокатов», высказанное им на заседании Особого совещания 25 января 1880 г.
- (96) ГА РФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Ед. хр. 1165. — Л. 75.
- (97) Дневник Е.А. Перетца (1880—1883). — С. 20—21.
- (98) *Ковалевский М.М.* Конституция графа М.Т. Лорис-Меликова и его частные письма. — Берлин, 1904; *Голицын Н.В.* Конституция графа Лорис-Меликова. Материалы для ее истории // Былое. — 1918. — № 10—11 (4—5) и др.
- (99) Вестник права. — 1905. — Кн. 9. — С. 284—291; Былое. — 1918. — № 10—11 (4—5). — С. 162—166.

**POLITICAL CRISIS IN RUSSIA AT THE END OF 1870s
AND WAYS OF ITS OVERCOMING IN GOVERNMENT
CAMP REPRESENTATIVES' POINT OF VIEW**

V.Y. Voronin

Department of Russian History
The Moscow State Pedagogical University
Vernadskiy Av., 88, Moscow, Russia, 117571

The article is devoted to the crisis of Russian autocracy at the end of the Great reforms epoch and to the projects of Russian Empire political system reforms, worked up by outstanding russian statesmen: great prince Constantin Nicolaevich, P.A. Valuev, D.A. Milutin, M.T. Loris-Melikov. Projects were of moderately liberal type and intended to establish organs of national representative office and participation of elected society representatives in discussion of state deals.